

DOI: 10.17516/1997-1370-0790
УДК 93/94; 130.2, 009

Christianization and the Indigenous Population of the Khakass-Minusinsk Territory: Problems of Transformation

Valentina N. Asochakova, Marat N. Chistanov
and Svetlana S. Chistanova*

*Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation*

Received 01.04.2021, received in revised form 01.05.2021, accepted 06.07.2021

Abstract. The transformation of the indigenous population of the Khakass-Minusinsk Territory implies a change from the nomadic lifestyle to the sedentary. Christianization was the factor that influenced the change in lifestyle significantly.

The article proposes a six-stage periodization of Christianization of Siberia, an analysis of archival materials showing changes in the beliefs and everyday religious habits of the Khakasses, in relation to the clergy and the Russian-speaking population.

In conclusion, the authors consider the reasons for the formation of religious syncretism. The Khakasses formally adopted the Orthodox faith, continuing to turn to shamans when necessary. The authors discuss the topic of rejecting Orthodoxy in everyday life; reveal the differences and common features of Christian teaching and religious beliefs of the Khakass people. For example, Christianity proclaimed the idea of human domination over nature, the Khakass worldview believed in the equality of all living creatures. However, some of the biblical commandments corresponded to the traditional views of the Khakass people about life; they contributed to the mutual assimilation of religious ideas.

Further development of the topic of the indigenous population transformations at the Khakass-Minusinsk Territory involves the study of the Christianization influence on the language and non-religious everyday rituals. The materials of this article allow us to conclude that not only the religious policy of Russia, but also the migration of the Russian-speaking population led to changes in the lifestyle.

Keywords: nomadic lifestyle, sedentary lifestyle, Christianization of Siberia, Orthodoxy, shamanism, religious syncretism, migration of the Russian-speaking population.

Research area: culturology, history of Russia.

Citation: Asochakova, V.N., Chistanov, M.N., Chistanova, S.S. (2022). Christianization and the indigenous population of the Khakass-Minusinsk territory: problems of transformation. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 15(5), 586–596. DOI: 10.17516/1997-1370-0790

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: asocvn@mail.ru, maratc@gmail.ru, chistanovaSS2417@gmail.com
ORCID: 0000-0002-5714-3729 (Asochakova); 0000-0001-9002-5604 (Chistanov)

Христианизация и коренное население Хакасско-Минусинского края: проблемы трансформации

В.Н. Асочакова,

М.Н. Чистанов, С.С. Чистанова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Российская Федерация, Абакан

Аннотация. Трансформация коренного населения Хакасско-Минусинского края подразумевает изменение кочевого образа жизни оседлым. Фактором, повлиявшим на смену образа жизни, явилась христианизация.

Статья предлагает шестиэтапную периодизацию процесса христианизации Сибири, анализ архивных материалов, показывающих изменения в верованиях и бытовых религиозных привычках хакасов, в отношении к духовенству и русскоязычному населению.

В заключение авторы рассматривают причины формирования религиозного синкретизма. Хакасы формально принимали православную веру, продолжая обращаться к шаманам при необходимости. Авторы рассуждают на тему неприятия православия в быту, раскрывают различия и общие черты христианского учения и религиозных представлений хакасского народа. Например, христианство провозглашало идею господства человека над природой, хакасское мировоззрение исходило из равноправия всего живого. Но часть библейских заповедей соответствовали традиционным представлениям хакасов о жизни, именно они способствовали взаимному усвоению религиозных представлений.

Дальнейшее развитие темы трансформаций коренного населения Хакасско-Минусинского края предполагает изучение влияния христианизации на язык, нерелигиозные бытовые обряды. Материалы представленной статьи позволяют сделать вывод, что к изменению образа жизни привела не только религиозная политика России, но и миграция русскоязычного населения.

Ключевые слова: кочевой образ жизни, оседлый образ жизни, христианизация Сибири, православие, шаманизм, религиозный синкретизм, миграция русскоязычного населения.

Научная специальность: 24.00.00 – культурология, 07.00.02 – отечественная история.

Введение

Конфессиональный фактор сыграл в этноисторическом процессе огромную роль, а переход от кочевого/полукочевого образа жизни к оседлому изменил всю систему жизни этноса. Факторами трансформации коренных народов Сибири, о которых пойдет речь в данной статье, стали миграции русскоязычного населения с XVII в. и политика христианизации.

С начала XVII в. российская религиозная политика в отношении коренных народов Си-

бири была частью государственной политики, пытавшейся разработать единую концепцию уклада для всех сфер жизни и для всех территорий. Со временем сферы деятельности светских и духовных властей разделились, светские власти продолжали заниматься экономическими и геополитическими вопросами, а духовные – мировоззренческими. Это позволило сменить насильственные методы христианизации политикой веротерпимости, в то же время оставив за Русской православной церковью некоторую монополию. Кроме

того, была разработана система миссионерства, принципы работы, способы контроля.

Теоретическая основа

Процесс христианизации Сибири можно разделить на шесть периодов (Asochakova, Chistanova, 2018):

- в первый период, XVII в., в Сибирь пришли поселенцы, промысловики и казаки, через них состоялось знакомство местного населения с христианством, именно их можно назвать первыми мигрантами. Для того чтобы за ними последовали другие переселенцы, требовались усилия по созданию условий по реализации важнейших потребностей, в том числе духовных;

- второй период, XVIII в., до 1764 г. характеризуется тем, что крещение народов, населявших Сибирь, происходило бессистемно, часто применялись насильственные методы. Именно в этот период был официально закреплён статус «новокрещёный», начали создаваться первые миссионерские учреждения;

- в третий период, в конце XVIII в., были созданы епархиальные миссионерские структуры, в государственной политике объявлен принцип веротерпимости, выделено финансирование на строительство церквей. В то же время просветительские методы обращения народов Сибири в новую веру все еще оставались на заднем плане;

- в следующий период христианизации, четвёртый, в начале XIX в., религиозная политика государства опять изменилась в сторону нерелигиозных методов, практиковался отказ от массовых крещений, появились походные церкви и миссии;

- к середине XIX в. изменились цели христианизации, государство жестко контролировало церковь, требуя бороться с любым проявлением иных религий;

- в последний период процесс христианизации формально был окончен; государство осознало необходимость введения политики русификации, основной задачей которой было привязать коренные народы Сибири к России, но на деле это привело к этнической консолидации и противодействию христианству.

Постановка проблемы

Коренное население Хакасско-Минусинского края с момента своего вхождения в Российское государство также подвергалось христианизации. К 60-м гг. XIX в. процесс крещения затронул почти половину хакасов – 49,4 %, к концу этого же столетия в православие обратились почти все хакасы.

Фактически религиозное сознание вновь обращённых хакасов представляло собой пеструю картину, включающую элементы христианского и языческого мировоззрения. Часть этой картины мы попытаемся представить в предлагаемой статье.

Методы

В работе над данной статьей использован комплекс опубликованных и архивных источников. С точки зрения структуры информации это преимущественно документы делопроизводственного, законодательного и статистического видов. Нарративные источники представлены сочинениями путешественников, чиновников, а фольклорные материалы хакасского этноса собраны известными хакасскими учеными Н. Ф. Катановым, С. Д. Майнагашевым. Часть источников вводится в оборот впервые. Кроме того, авторы проанализировали современную литературу о взаимодействии православных идей и традиционного мировоззрения различных народов. Впервые типология религиозного синкретизма народов с учетом стадийной теории в контексте христианизации Сибири и Дальнего Востока была предложена авторами известного сборника «Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири» (Vdovin, 1979): 1) первобытный (характеризующийся целостностью/нерасчлененностью первобытного разума); 2) центрально-азиатские влияния (буддизм и ламаизм); 3) христианские влияния.

А. М. Сагалаев рассматривал христианизацию как процесс, приведший к изменению всех подсистем культуры и внутренней перестройке этнических организмов. С конца прошлого столетия появились исследования Т. В. Жеребиной о «якут-

ском православии», православии у хантов Е. Главацкой, христианизации мусульман Тобольской губернии Г.Ш. Мавлютовой, хакасов – В.Н. Асочаковой, алтайцев – М.Н. Колоткина и др. Эти исследования затрагивали такие стороны христианизации, как история распространения православия, методика христианизации и земельная политика. Современные исследователи обращают внимание на тесную взаимосвязь колонизации и христианизации, влияние государства, церкви и этнокультурных стереотипов контактирующих этносов в результате реализации локальных вариантов государственной модели христианизации (Sagalaev, L'vova, Oktiabr'skaia, Usmanova, 1988; Asochakova, 2011; Glavatskaia, Gherebina, 2011; Kolotkin, 2003; Mavliutova, 2016; Pul'kin, 2010; Nikolaev, Chumakova, 2008).

Обсуждение

Упомянутое в периодизации христианизации название «новокрещенные» показывает культурное «маргинальное» состояние христиан-неофитов. В церковных и административных документах они обозначались как «крещенные инородцы / татары».

Среди хакасов сохранялось деление на секи (родовые общины), которые по-разному подвергались крещению. Так, более всего христианство распространилось среди койбалов и кызыльцев, менее всего – среди качинцев. Сагайцы и бельтыры сохранили верность традиционной вере, формально приняв православие. Новокрещенные хакасы приписывались к церковным приходам, часть из них проживала на постоянном месте. Функции РПЦ в Хакасско-Минусинском крае в общем были традиционными: исполнение православной обрядности, регулирование семейно-брачных и морально-этических отношений. Но отдаленность и малозаселенность местности, низкий профессиональный уровень духовенства дали скромные результаты деятельности миссионеров: к середине XIX в. православием было охвачено в два раза меньше населения, чем установлено нормами. Христианизация хакасов осуществ-

лялась в трех формах: первая – это целенаправленная государственная политика, осуществляемая служителями на казенном содержании через ружные церкви; вторая – ведомственная – через белое духовенство посредством проповедей или насильственного обращения «инородцев-язычников». Третья – через непосредственные контакты с носителями православной веры в процессе совместной хозяйственной деятельности, повседневной жизни.

Формальное увеличение количества хакасов, ведущих оседлый образ жизни, возрастание роли и доли земледелия, появление смешанных семей, метизация коренного населения являются видимыми показателями распространения христианизации, результатом государственной политики. Хакасы, которые начали вести оседлый образ жизни, стали работать по найму и жить в русских поселениях.

Северные качинцы, крещенные в XVII–XVIII вв., проживали оседло в деревнях под Красноярском – Базаихе, Бугачевой, Торгашиной и др. И.Г. Гмелин писал о Козьме Шахове, новокрещеном беглеце из деревни Шунерская в 40-е гг. XVIII в. (Pallas, 1788). К концу XVIII в. в деревнях Антоновой, Бейской, Беллыцкой, Бескишенской, Ильтековой, Каптыревой, Курганчиковой, Синявиной, Сыдиной, Чернокомской, Шушенской, Якушевой, в селах Балахтинском, Курагинском в Абаканском остроге русские и хакасы жили вместе и оседло. Позже таких населенных пунктов стало больше – деревни Белоярская, Каменка, Качулька, Очурская, Сарагашская, Телецкая, Шунерская, станицы Каратузская, Таштыпская, села Курбатовское, Ужурское, Шарыповское и др.¹ А.Н. Костров упоминает в своих записях, что качинцы «забыли не только родные обычаи, но и родной язык» (Kostrov, 1852).

Сагайские секи также не сохранили своей изолированности. К 1854 г. в селах Бейском, Очурах, Шушенском, в деревнях Батеней, Байкаловой, Бича, Бородинной, Каптыревой, Кольская, Крапивиной, Означенной, Сухой Ербе, Теси, Толчее,

¹ НАРХ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 10. 13 л.

Усиной, Усть-Ербе, Усть-Сыда, Шунерах, всего в 29 населенных пунктах, среди русских проживали 466 сагайцев из Карачерского, Кивинского и других улусов. В Абаканском, Аскизском, Бараитском, Бейском, Градоминусинском, Новоселовском и Шушенском приходах числились качинские, койбальские и бельтирские фамилии. В Качинской степной думе только в 1843 г. к оседлой жизни перешел 241 человек, в целом 239 мужчин и 231 женщина стали крестьянами, среди них было 8 человек из казановского рода, 9 – из карачерского, 10 – из ближнекаргинского, 13 – из бельтырского, 13 – из сагайского второй половины, 15 – из сагайского первой половины.²

В 1844 г. решением Енисейской казенной палаты в крестьянское сословие в деревню Кортусскую был переведен Четушкин, представитель дальнекаргинского рода; в деревню Койскую – Дадаев, Тюттегешев и еще 13 человек ведомства степной думы соединенных разнородных племен. Василий Тихонович Дадаев, как утверждается в документах, «с малых лет жил у русских в услугах, приобрел их обычаи». Ясачные при переходе в оседлые освобождались от ясачной и рекрутской повинностей³. Эта тенденция сохранялась, в 1955 г. еще 15 человек было уволено из ясачного сословия⁴.

Новокрещенные записывались не только в крестьяне, но и в казаки. Делопроизводственная документация показывает сложность взаимоотношений среди казаков разной национальности. Войсковой старшина Суриков, будучи командиром Енисейского казачьего конного полка, так описывал в жалобе нежелание ему подчиняться: «Иностранцы, поступившие в состав полка, при собраниях иностранцев с других деревень поддают мысль о своей независимости от казачьего ведомства».

Стоит отметить, что межэтнические конфликты были не только среди казаков. Иван Степанов и Иван Веселовский,

ясачные Качинской степной думы, проживавшие в деревне Старо-Заледеевой, имевшие «дома, немного скотоводства и хлебопашество», обращались с жалобой, что «крестьяне этого села притесняют и принуждают караулы исправлять для поиска разбойников наряду с крестьянами», кроме того, «не дают сенокос» и даже отнимают имеющиеся покосы⁵. В деревне Старо-Заледеевой было три дома крещеных ясачных.

Гораздо реже случались переходы в мещанское сословие, но тем не менее такое происходило. Алексей Амзараков, представитель сагайского рода 2 половины, перешел в мещанское сословие г. Иркутска⁶.

В целом по Енисейской губернии доля ясачного населения в период с 1823 по 1861 г. уменьшилась с 18 до 12,6 %. Вместе с этим выросла доля оседлого населения. Однако оставших кочевой и бродячий образ жизни хакасов было всего 4,4 %. Минусинский земской исправник в своем докладе в 1864 г., когда российское правительство заинтересовалось, почему местное крещеное население не переходит массово к оседлой жизни, указывал на недостаточную работу властей в этом направлении. Кроме того, причины крылись в том, что степь неблагоприятна для земледелия, это вызывало «бедственное положение ясачных при переходе к оседлой жизни». Помимо этого, представители православного духовенства мало рассказывали новокрещеным «о пользе оседлой жизни и невыгодной жизни при закоренелом суеверии язычниками». Предлагалось выдавать крещеным «иностранцам» орудия труда для земледелия, это могло помочь переходу к оседлому образу жизни, но первооснова всего – «только собственное их самих желание, ибо они к этой жизни приохочиваются сами собой».

Согласно архивным данным, в 60-е гг. XIX в. на каждого хакаса, ведущего оседлый образ жизни, приходилось в год 0,9 десятины пашни, 18 пудов сена, 2 лошади, 1,6 головы крупного рогатого скота, 3

² НАРХ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 10. 13 л.

³ НАРХ. Ф. И.-2. Оп. 1. Д. 442. 3–6 об.

⁴ НАРХ. Ф. И.-2. Оп. 1. Д. 442. 3–6 об. Д. 572. 13 л.

⁵ НАРХ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 2. л. 16–16 об.

⁶ НАРХ. Ф.-2. Оп. 1. Д. 1243. Л. 2 об.

головой барана и 0,6 пуда хлеба. На каждого хакаса, ведущего кочевой образ жизни, приходилось 0,08 десятины пашни, 1,9 пуда сена, 0,4 лошади, 0,6 головы крупного рогатого скота, 0,06 головы барана и 0,06 пуда хлеба⁷.

Среди хакасского населения появилась новая, особая группа – отходники. Это люди, вынужденные покинуть свой улус и работать по найму, чтобы уплатить ясак. Условия найма для отходников могли быть словесными, достаточно было заявить о себе в присутствии двух свидетелей у родового старшины в «инородческой управе» или степной думе. Отходники должны были платить ясак и могли покидать улус на период до 11 месяцев. Местные власти вели строгий учет отходников, поэтому нам известны их имена и места работы по найму. Среди таких мест упоминаются золотые прииски минусинского купца 2-й гильдии К. Е. Юрганова, почетного гражданина Денисова, Петропавловские прииски, винокуренный завод Сидора Щеголева, Ирбинский завод, Казанский винокуренный завод купца 2-й гильдии Ярилова и др. За 1861 г. было выдано 27 билетов⁸.

Все отходники должны были вернуться в свой улус после увольнения. На это отводился определенный отрезок времени. Если отходник не возвращался, то «... по минованию же оно негде ему праздно не жить и никому не придерживать, за опасение за противное взыскание по законам и предания суду»⁹.

Работа на золотых приисках была тяжелой, характеризовалась высокой смертностью наемных рабочих. Каскар Аповос умер 1 июля 1855 г. от чахотки. Остай Намачик из улуса Бельтирского был отправлен на золотой прииск до 1 октября 1855 г., но умер еще 2 августа от «горячечной болезни»¹⁰. Хозяева золотых приисков могли уволить наемного рабочего «заслушание или нерадение», имели право перевести

с одного прииска на другой. Если рабочий прекращал работу раньше срока, то с ним производился расчет¹¹.

Среди других последствий христианизации стоит упомянуть ассимиляцию населения. В среде мигрантов женщин не хватало, это приводило как к бракам с хакасскими девушками, так и к приобретению женщин и превращению их в наложниц (Shashkov, 1972). Среди койбалов в XVIII – начале XIX в. сложилась особая группа «полурусских» – «чжарым-гызыктар» (Sherstova, 2008). Более двух тысяч смешанных браков были зарегистрированы в Аскизском ведомстве за 1858–1890 гг. Хакасы, женившиеся на русских женщинах, возвращались в свои родные улусы. Это также привело к появлению новой группы метисов – «сала хазах», их антропологический тип был более европеоидным (Butanaev, 1987). В целом смешанные браки считались престижными, они не входили в конфликт с внутренней родовой организацией хакасов (Sherstova, 2008).

Традиционное родовое деление хакасов по сеокам (буквально – кость) сложилось до присоединения Хакасии к Российскому государству, оно продолжало существовать в XVII–XIX вв. наряду с административно-родовым делением. Однако после вхождения сеоки начали приобретать другие названия, менять роды и т. д. К середине XIX в. вместо названий сеоков начали использоваться фамилии. Под влиянием христианства стало появляться единобрачие, хотя многоженство, конечно же, сохранялось.

Крещенные хакасы ходили в церковь, правда, случалось это всего несколько раз в году по большим церковным праздникам (Рождество, Пасха, Николин день). Надолго они в церкви не задерживались, всей службы не стояли. В 1816 г. в Аскизском приходе на исповедь не явились 1287 новокрещенных из 1377, т. е. отсутствовали 93 % прихожан¹². По статистическим данным видно, что в 1894 г. ситуация была такой же:

⁷ НАРХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 796. Л. 9–19.

⁸ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. 445Л. 2, 4–4 об., 6–39.

⁹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 615. 150 л.

¹⁰ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. 445 Л. 3–6 об.

¹¹ НАРХ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 572. Л. 6–12 об.; Д. 442. 9 л.; 793. 4 л.; Д. 794. 45 л.

¹² ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 136. Л. 187–192.

в Аскизском приходе на исповедь пришли 189 человек, в Верхне-Усинском – 41, в Сияновском – 89, в Усть-Абаканском приходе – 129, в Усть-Есинском – 511. Православные священники жаловались, что в обычные церковные праздники приходят 5–20 человек, на всенощную и заутреню коренные жители вообще не ходят. Один из миссионеров Усть-Абаканского прихода писал в заметках, что некоторые хакасы, особенно из далеких улусов, в церкви ни разу не бывали. Местные священники видели причину в разбросанности улусов на большие расстояния, удаленности улусов от храмов, ну и, конечно, в общем низком религиозно-нравственном уровне.

Уровень религиозного состояния новокрещеных описывал в XIX в. В. В. Радлов следующим образом: «Большинство сагаев и качинцев крещены, хотя понятие о христианской религии у них крайне ничтожно и шаманство продолжает сохранять свою прежнюю силу и влияние». С. В. Паллас отмечал то же самое на столетие ранее. Этот факт упоминается в отчете о миссионерской деятельности в Енисейской епархии в 1887 г.: «Нет сомнения, что они верят в бога, искренне чтут христианские праздники, Богоявление Господне, день св. Николая (последний по преимуществу), но в то же время уровень их религиозно-нравственного просвещения так низок, что большая часть их только по названию христиане, преданы шаманам, и боятся их, и верят во все их кудесничества». В том же отчете отмечается, что миссионеры смогли добиться роста количества «говеющих, исповедующихся, заключающих церковный брак среди язычников».

В числе успешных мероприятий миссионеров стоит упомянуть поездки бывших язычников к святым местам. Так, например, в 1889 г. два паломника из новокрещеных ездили в г. Иркутск поклониться мощам Святителю Иннокентия. После поездки интерес к православию возрос: «Их пример повлиял и на других прихожан, которые изъявили желание съездить в г. Иркутск

с той же целью» – из сообщения священника Аскизского прихода¹³.

Таким образом, в конце 80-х гг. XIX в. среди священнослужителей существовало мнение, что «шаманство и языческие обряды у минусинских и ачинских инородцев ослабевают», что «общественные шаманские жертвоприношения, которые ранее были обыкновенными для инородцев, совершенно перестали существовать. Но все же к шаманам, как к знахарям, при болезнях инородцы не переставали обращаться, особенно в улусах, которые находились вдали от русских селений и церкви». Интересный факт описан в миссионерском отчете: у новокрещеных в Усть-Фыркальском приходе нашли языческие атрибуты, в качестве наказания их заставили ходить по десяти улусам с иконами в течение шести дней для совершения пасхальных молебнов, после чего они «покаялись больше никогда не обращаться к шаману и были отпущены домой»¹⁴.

Влияние русской традиции на обычаи и обряды местного населения проявилось лишь отчасти, хотя миссионеры и старались искоренить старинные «татарские» обычаи и обряды. Православных неопитов можно было заметить в обрядах поклонения небу, горам, земле, воде, по окончании которых готовились встречи рода. Все горные жертвоприношения совершались преимущественно с 1 до 19 июля, когда народ свободен от работ, так как с 21 июля началась пора сенокоса. К тому же к первому июля вырастали и все ягнята (Katanov, 2004).

Крещеные хакасы выполняли православные обряды, что описывали современники. А. Н. Костров записал: «Прося помощи всевышнего, он просто говорил (на родном языке): «Господи! Избави меня от всех худых дел! Господи, создавший мою душу! Спаси меня от всех грехов!». Принося клятву, говорили: «Бог убьет

¹³ Отчет Енисейского Епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1900 г. // ЕЕВ. 1901. № 7. 1 апреля. С. 12.

¹⁴ Отчет о миссионерской деятельности в Енисейской епархии за 1887 г. // ЕЕВ. 1888. 8. С. 102

меня!» или «Бог рассудит», они знают, что «Эрлик-хан – злой дух и источник всего дурного». Из всех праздников почитают Рождество Христово (Аргымак), Крещение (Мылтык-кюнь), Петров день (Петровкюнь), Николин день (Миколин-кюнь), Светлое Христово воскресенье (Христовкюнь). В праздничные дни в каждой юрте зажигали свечи, и все семейство молилось богу» (Kostrov, 1852). У Д. Е. Лаппо можно прочитать: «Они говорят – «Миром правит Кудай» (Lappo, 1903).

Описания поступков и рассуждений говорят о том, что религиозные представления крещеных язычников представляли собой двоеверие. Например, рассказ слепого старика о роли священника в его слепоте: «Слепой старик рассказывал, что к нему привязался дух «Чик Кёрмес», насылающий болезнь на глаза; прежде от нее избавляли шаманы; когда священник стал запрещать это, дух окончательно осилил его; теперь он слепой» (Mainogashev, 1916). Или обращение крещеного хакаса во время тяжелой болезни к шаману: он послал за «крещеным камом», чтобы тот с молитвою принес «идольскую жертву для выздоровления» (Mainogashev, 1916).

В заметках алтайского миссионера В. Вербицкого находим следующее: на проповеди «в числе слушающих был шаман, который, в общем, ему не противоречил, только не согласился с тем, что шайтан не может сделать зла человеку без допущения Божьего», утверждая, что Бог не могущественнее Эрлик-хана. Он же упоминает хакасскую поговорку «Кому не должно умереть, того камы не отнимут, кому от голода умереть, того и бог не спасет»¹⁵.

Двоеверие приводило к оригинальному симбиозу традиционных и христианских обрядов. Н. Ф. Катанов описывал некоторые обряды: в Крещение вместе с погружением креста в воду стреляли из ружья; свои традиционные виды хозяйственной деятельности соотносили с христианскими праздниками. Церковные праздники получили хакасские названия: 6 января – «Хысхы мылтык» (зимнее ружье); 3 февраля – день

Святого Симеона Богоприимца – «Хысхы Сомоноп»; Масленица – «Сырыг хайах» (желтое масло); Пасха – «Кызыл намырха» (красное яйцо); 9 мая – «Часхы Муколин» – весенний Николин день; 24 июня – «Алыг Пориис» (характерный Борис); 25 декабря – «Колееды»; 1 августа – «Чайгы мултык (летнее ружье)» (Katanov, 1897).

Крещеные хакасы очень уважали Святого Николая Угодника, в Николин день обязательно ходили в храм, его иконы были почти во всех юртах. Обычно это объясняется уважением язычников к старшим, а этого святого всегда изображают стариком. В некоторых юртах икону Святого Николая заменяла чайная этикетка с портретом хозяина чаеразвесочной фабрики в Иркутске, внешне походившего на святого и которого ошибочно некоторые принимали за святого Николая (Gladyshevskii, 2004).

Выводы

Анализ результатов христианизации хакасского народа позволяет сделать вывод о том, что христианизация хакасов – это не только результат целенаправленной государственной политики, но и следствие расселения русских по территории Хакасско-Минусинского края. Межэтническое взаимодействие, длившееся несколько столетий, было настолько разносторонним и глубоким, что сейчас мы уже не можем точно утверждать, какие явления и предметы исконно хакасские или русско-сибирские, какой этнос и что именно позимствовал у другого.

Христианизация способствовала трансформации хозяйственной деятельности, активизации социальной мобильности, как вертикальной, так и горизонтальной, формированию религиозного синкретизма. В период, рассматриваемый нами в данной статье, хакасы оставались шаманистами. Формальное принятие веры, эпизодическое обращение к шаманским обрядам, негативное восприятие проявлений православия на бытовом уровне – это проявление двоеверия. Усилия представителей традиционного мировоззрения были направлены на единение с окружающим миром,

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1256. Л. 20. об

усилия же русских переселенцев больше на подчинение мира себе.

Стоит добавить, что христианское учение значительно уступало религиозному мировоззрению, которое было характерно для традиционных представлений хакасского народа о единстве, взаимозависимости, равноправии всего живого. Христианство провозгласило возможность потребительского подхода ко всему живому, выражало идею господства человека над природой, стремление извлечь из нее максимальную пользу (Linn, 1942). Такой потребительский подход к окружающей природе демонстрировали русские казаки на первых этапах заселения Хакасско-

Минусинской котловины. Это не способствовало пониманию хакасским народом христианского учения. Однако, вопреки различиям, можно выделить некоторые схожие элементы христианского учения и религиозных представлений хакасского народа. Схожей чертой является деление мира на три области – небесную, земную и подземную, представления о существовании различных духов. Библейские заповеди «не убий», «не укради» были свойственны для традиционного мировоззрения и русского, и хакасского народов. Сходные смыслы образовывали платформу, на которой происходило взаимное усвоение религиозных представлений.

Список литературы / References

Aksiutin, Iu. M. (2018). Tsennostnye orientatsii i etnokulturnaia komplementarnost' ghitel'ei Saiano-Altai [Value orientations and ethnical and cultural complementarity of Sayano-Altai inhabitants], *In Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem [Modern research of social problems]*, 10, 1–2, 99–106.

Amogolonova, D.D. (2020). Religious policy in late imperial Russia: state and Orthodox Church in the Buryat spiritual space, *In J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, 13(7), 1056–1064. DOI: 10.17516/1997-1370-0625.

Asochakova, V.N. (2011). *Zapadnosibirskaia model' khristianizatsii: kharakter, mekhanizm, osobennosti (na primere Khakassko-Minussinskogo kraia v XVII–XIX vv) [West Siberian model of Christianization: character, mechanism, features (on the example of the Khakass-Minusinsk region in the 17th-19th centuries)]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk [dissertation author's abstract for the degree of Dr. for History sciences]*. Tomsk, 43 p.

Asochakova, V.N., Chistanova, S.S. (2018). Missionerskaia deiatel'nost' kak faktor osvoeniia Sibiri v XVII–XIX vv [Missionary activity as a factor in the development of Siberia in the 17th – 19th centuries], *In Genesis: istoricheskie issledovaniia [Genesis: historical researches]*, 12, 124–130.

Butanaev, V. Ia. (1987). Sotsial'no-ekonomicheskaiia istoriia khakasskogo aala (konets XVIII – nachalo XX v) [Socio-economical history of the Khakass aal (late 18th – early 20th centuries)]. Abakan, 175p.

Chumakova, T.V. (2008). Pravoslavnye missionery i izuchenie religioznykh predstavlenii narodov Sibiri i Russkoi Ameriki v XIX v. [Orthodox missionaries and the study of religious beliefs of the peoples of Siberia and Russian America in the 19th century]. *Makar'evskie chteniia materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Makaryevsky readings materials of the VII international scientific conference]*, available at: <http://e-lib.gasu.ru/konf/mak/arhiv/2008/index.html>.

Dameshek, L.M., Dameshek I.L. (2018) Sibirskaiia reforma M. M. Speranskogo 1822 g. kak proiavlenie principov imperskogo regionalizma [Siberian reform M. M. Speransky 1822 as a manifestation of the principles of imperial regionalism], *In Vestnik Tomskogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 426, 88–93. DOI: 10.17223/15617793/426/10.

Gherebina, T.V. (2011). *Shamanizm i khristianstvo [Shamanism and Christianity]*. Russkaia khristianskaia akademiia, 176 p.

Gladyshevskii, A.N. (2004). K istorii khristianstva v Khakasii [To the history of Christianity in Khakassia]. Abakan, Izd-vo Khakasskogo gos. universiteta, 136 p.

Glavatskaia, E. Kogda umolknut vse bubny... Ot shamanstva k pravoslaviiu [When all the tambourines are silent ... From shamanism to Orthodoxy], *In Den' sa dnem [Day after day]*, available at <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=280>

Katanov, N.F. (1897). Otchet o poezdke, sovershennoi v 1896 g. v Minusinskii okrug [Report about a trip made in 1896 to the Minusinsk district]. Kazan', 61 p.

Kolotkin, M.N. (2003). Khristianizatsiia altaitsev v XVIII v. [Christianization of the Altai in the 18th century], *In Makar'evskie chteniia materialy II mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Makaryevsky readings materials of the II international scientific conference]*. Gorno-Altaiisk, 21–29.

Kostrov, N.A. (1852). Kachinskii tatarsy [Kachin Tatars]. Kazan', Tipografiia gubernskogo pravleniia, 66 p.

Lappo, D.E. (1903). Troevery. Iz zhizni minusinskikh inorodtsev [Threevers. From the life of Minusinsk foreigners], *In Izvestiia Imperatorskogo Tomskogo universiteta [Bulletin of the Imperial Tomsk University]*, Tomsk, 11.

Linn, T.W. (1942). Khristianskii mif i khristianskaia istoriia [Christian myth and Christian history], *In Ghurnal istorii idei [Idea History Journal]*, 3 (2), 145–158.

Mainogashev, S.D. (1916). Otchet o poezdke k turetskim plemenam doliny r. Abakan letom 1913 goda [Report about a trip to the Turkish tribes of the river valley. Abakan in the summer of 1913]. Petrograd, 111 p.

Mavlutova, G. Sh. (2016). Khristianizatsiia musul'man Tobol'skoi gubernii b nachale XX veka [Christianization of Muslims of the Tobolsk province at the beginning of the XX century.], *In Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 411, 201–206.

Nikitin, A.P. (2018). Analiticheskaia Filosofii i institutsional'naja ekonomika [Analytical Philosophy and Institutional Economy], *In Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 41, 24–31. DOI: 10.17223/1998863X/41/3.

Nikolaev, A. P. Pravoslavnaia zerkov' i shamany v Iakutii XVIII–XIX vv [Orthodox Church and shamans in Yakutia in the 18th – 19th centuries], *In Sibirskaia zaimka [Siberian Zaimka]*, available at: www.zaimka.ru/05_2002/nikolaev_shaman/.

Otchet Eniseiskogo Eparkhial'nogo komiteta Pravoslavnogo missiionerskogo obshtestva za 1900 g. (1901). [Report of the Yenisei Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society for 1900], *In Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti [Yenisei Diocesan Gazette]*, 7, 12.

Pallas, P.S. (1788). Puteshestvie po raznym provinziim Rossiiskogo gosudarstva. Ch. 3, polovina pervaia. 1772–1773 [Travel to different provinces of the Russian state. Part 3, the first half]. Sankt-Peterburg, 624 p.

Pul'kin, M.V. (2010). Prikhodskoe dukhovenstvo («popy») v karel'skikh epicheskikh pesniakh [Parish clergy («priests») in Karelian epic songs], *In Religiovedenie [Religious Studies]*, 4, 74–81.

Sagalaev, A.M., L'vova, E.L., Oktiabr'skaia, I.V., Usmanova, M.S. (1988, 1989). *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iughnoi Sibiri [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia], 1 Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir [Space and time. Material world], 2 Chelovek. Obshchestvo [Person. Society]*. Novosibirsk, 225 p.

Shashkov, S.S. (1972). Rabstvo v Sibiri [Slavery in Siberia], *In Istoricheskie etudy [Historical sketches]*, Sankt-Peterburg, 10, 1–27.

Sherstova, L.I. (2008). Predstavleniia o «chughikh» v mental'noi traditsii aborigenov Iughnoi Sibiri [The concept of «strangers» in the mental tradition of the aborigines of southern Siberia], *In Narodonaselenie Sibiri: strategii i praktiki meghkul'turnoi kommunikatsii (XVII – nachalo XX veka) [Population of Siberia: Strategies and practices of intercultural communication (XVII – early XX century)]*, Novosibirsk, 170.

Vdovin, I.S. (1979). Vliianie khristianstva na religioznye verovaniia chukchei i koriakov [The influence of Christianity on the religious beliefs of the Chukchi and Koryaks], *In Khristianstvo i lamaizm u koren'nogo naseleniia Sibiri (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v) [Christianity and Lamaism among the indigenous population of Siberia (second half of the 19th – early 20th centuries)]*. Leningrad, Nauka, 86–114.

Список сокращений

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ЕЕВ – Енисейские епархиальные ведомости

НАРХ – государственное казенное учреждение «Национальный архив Республики Хакасия»

РГИА – Российский государственный исторический архив